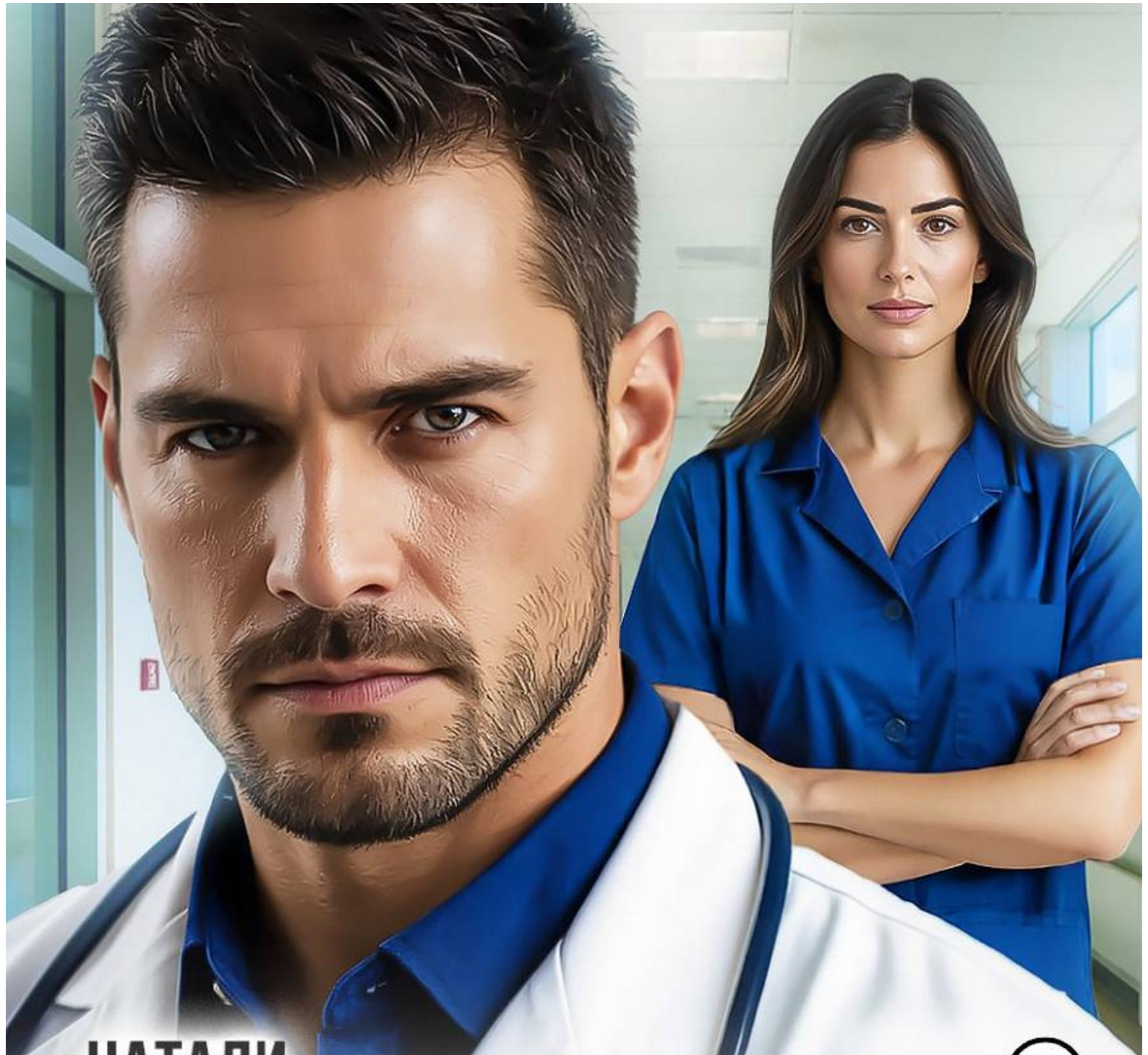

НАТАЛИ
Али

18+

РАЗВОД

РЕАНИМАЦИЯ ЗАПРЕЩЕНА

Натали Лин

Развод. Реанимация запрещена

«Автор»

2026

Лин Н.

Развод. Реанимация запрещена / Н. Лин — «Автор», 2026

— Расслабься! — рявкает мой муж на свою пессию, забыв про всякую романтику. — Ты меня зажала своей...— Я не могу! — взвизгивает она, не давая ему договорить. — У меня спазм!— Тогда сделай что-нибудь! — муж поворачивается ко мне. — Ника, помоги! Ты же гинеколог! Что встала, как вкопанная?! У неё спазм! Это же по твоей части! Я застучала своего мужа с расфуфыренной куклой в крайне "интересном" положении. Но я и подумать не могла, что это окажется только началом. Самое ужасное еще ждет меня впереди.

© Лин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	38
Глава 17	40
Глава 18	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Натали Лин

Развод. Реанимация запрещена

Глава

Вероника

Если бы я знала, что грязное белье мужа приведет меня к самому большому разочарованию в жизни, никогда бы в его шкаф не полезла...

У нас сегодня завал. В коридоре уже ожидают три пациентки с жалобами на боли, а регистратура, судя по гулу, забита под завязку. Каждая минута на счету.

В кабинете мужа пусто. Тишина давит на уши, а воздух... какой-то спертый, чужой. Я морщу нос, пытаюсь идентифицировать запах. Пахнет духами. Дорогими. Приторно-сладкими, с нотками ванили. Этот запах липнет к нёбу, вызывая легкую тошноту.

Здесь обычно так не пахнет, но я отмахиваюсь от мыслей. Мало ли кто заходил. Главврач, завхоз, медсестры. Хотя наши медсестры душатся чем-то с рынка, но ладно.

Подхожу к шкафу, на автомате собираю рубашки. Они пахнут Стасом, больницей, усталостью. Мой родной запах. На столе, среди бумаг и историй болезней, стоит стакан из дорогой кофейни. На его белом боку красуется яркий, почти вызывающий след темной помады. Вишневый. Я на секунду зависаю, глядя на этот след. Моя помада светлая, персиковая.

Интересно, кто из наших девчонок стал красится так ярко? Нина из реанимации? Нет, у неё вечно бледные губы. Анестезиолог Лена? Та вообще бесцветная.

— Наверное, кто-то из пациенток, — беру стакан и бросаю его в ведро, чтобы не мозолил глаза. Спускаюсь вниз.

В регистратуре столпотворение. Очередь извивается змеей. Я подхожу к стойке, к нашим уставшим девочкам.

— Помочь?

— Да нет, спасибо, Вероника Игоревна. Мы сами как-нибудь. Нам же не впервой, — отвечает Валентина Петровна, поправляя очки.

Я киваю, иду к стопке с карточками и начинаю листать, чтобы выбрать нужные для вечернего обхода. Краем глаза цепляю яркое пятно. Среди серо-белой массы халатов и курток стоит девушка в коротком платье, на шпильках, с волосами, уложенными так идеально, словно она только что из салона красоты, а не с улицы. На плечах короткая шубка.

Таких в нашей больнице не бывает. Такие лечатся в платных клиниках, в центрах пластической хирургии. В центре Москвы, в конце концов. А не толкаются в очереди в государственной больнице.

Она подлетает к окошку, цокая каблучками.

— А Станислав Эдуардович Самойлов скоро освободится? — голос капризный, с требовательными нотками. — Я была в его кабинете, но его там нет.

Сердце пропускает удар. Я замираю с историей в руках, делая вид, что читаю.

— Он на операции. Она скоро закончится. А вы по записи? — Валентина Петровна, как всегда, строга.

Девушка морщит идеальный носик.

— Нет. Я не записывалась. Но мне очень нужно.

— Всем нужно, если вы не заметили, — бросает она, глядя на очередь за спиной этой женщины.

— Ничего страшного. Я по личному вопросу, так что подожду.

— А по какому вопросу? Если вам нужна личная консультация, то только по записи, — Валентина Петровна сверлит её взглядом поверх очков.

— Мне по женской части, — девушка стреляет глазами в сторону.

— По женской части? — Валентина Петровна поворачивает голову в мою сторону. — Так вам по женской части к гинекологу надо. Вот наш гинеколог, Вероника Игоревна. Можете прямо сейчас к ней записаться. А Самойлов — хирург. Он с женскими проблемами не поможет.

Девушка нетерпеливо поправляет волосы, накручивая локон на холеный палец с маникюром.

— Нет, — отрезает она. — Мне нужен именно Самойлов. По личному вопросу.

В этот момент до меня долетает волна запаха. Тот самый. Ванильный. Сладкий, тяжелый, липкий.

Так вот чей стакан. Чей запах. А я уже напридумывала себе бог знает что про медсестер. Стыдно-то как. Успокойся, Вероника. Просто пациентка. Красивая, ухоженная, но пациентка.

Я врезаюсь в неё взглядом. Дорогая сумка через плечо, идеальная кожа, макияж, которму позавидует визажист.

В голове проносится вихрь мыслей.

Может, она хотела попасть к пластическому хирургу? Губы накачаны, скулы острые. Она явно знает толк в красоте. А Стас у нас хоть и заведующий отделением, но все же хирург. Или...

Живот. Я смотрю на её плоский живот, обтянутый трикотажем. Или она беременна и хочет... Тогда ей точно к гинекологу. Так зачем ей хирург? Почему именно он?

Она, словно чувствуя мой взгляд кожей, медленно оборачивается. Её глаза проходятся по мне цепко, с ног до головы. По моему халату, по синей униформе, по удобным балеткам, по пучку на затылке, из которого выбились непослушные пряди.

В её взгляде усмешка. Чуть заметная, но оттого ещё более обидная. Уголки губ приподнимаются в снисходительной улыбке. Она смотрит на меня, как на пустое место. И молча отворачивается обратно к окошку.

Меня будто кипятком ошпарило. Щеки вспыхивают. Я комкаю в руках истории болезней, бумага жалобно хрустит. В груди разрастается что-то холодное и липкое, как тот самый запах.

— Он будет на операции еще полчаса точно, — бубнит Валентина Петровна. — Ждать будете?

Девушка эффектно цокает каблуками и, не прощаясь, плывет по коридору, оставляя за собой шлейф ванили.

Я стою как вкопанная. Почему она ищет его по личному вопросу? Что у них может быть личного?

Стас всегда востребован, но чтобы к нему в кабинет ломились вот так нагло. Без записи. Да еще и такой расфуфыренной кукле. Что интересно ей понадобилось узнавать у него наедине?

Глава 2

Вероника

Валентина Петровна провожает взглядом эту женщину и шумно выдыхает, снимая очки.

— Ну и фифа, — фыркает она, протирая линзы. — Вроде совсем молодая, а дерзкая. Вероника Игоревна, а вы не знаете, что за девица мужа вашего ищет? Пришла, как к себе домой. Требует еще что-то. Знает, где кабинет его.

Я все еще сжимаю истории болезней так, что пальцы немеют. В груди противно ноет.

— Не знаю, Валентина Петровна, — мой голос звучит сипло. — Может, рекомендации какие-то от знакомых? Мало ли.

— Да не скажи, — она качает головой, и в ее глазах мелькает что-то, отчего мне становится не по себе. — Ты же видела её. Такая... холеная. И еще эта фраза про женскую часть. Того и гляди беременная пришла. Да вот только я не припомню, чтобы Станислав Эдуардович специализацию гинеколога получал. Или я что-то упустила?

— Тогда и я упустила, — выдавливаю из себя улыбку. — Я пойду. У меня там пациенты в палатах ждут обхода.

— Хорошо, спасибо, Вероничка, что сама забежала за картами, — она машет рукой, возвращаясь к бумагам. — Времени вообще нет.

Я киваю и иду в сторону своего отделения. Ноги несут сами, а в голове пустота и звон. Только одно цепляется за сознание:

По женской части...

Коридор моего отделения встречает привычным запахом хлорки и лекарств. Обычно это успокаивает, настраивает на рабочий лад. Но не сегодня.

Впереди, у поста медсестер, кучкуются медсестры. Лена, Надя, молоденькая Катя из процедурной. Они о чем-то шепчутся, голова к голове. Я еще издали вижу, как Катя оживленно жестикулирует. А когда мои шаги начинают гулко отдаваться в тишине коридора, они резко замолкают.словно ножом обрезало.

До меня долетает обрывок фразы, брошенный на скорости в тишину:

— ...да нет, я своими глазами видела...

И тишина. Гробовая.

Я подхожу ближе. Девчонки синхронно утыкаются в бумаги, делая вид, что заполняют карты. Надя низко склоняет голову, Катя краснеет до корней волос, Лена старательно выводит ручкой круги на полях.

Внутри все сжимается в тугой узел. Я останавливаюсь напротив поста. Смотрю на них. Они меня игнорируют. Слишком старательно. Это хуже, чем если бы они просто поздоровались..

— Что случилось? — мой голос звучит резче, чем я планировала. — У меня спина грязная?

Надя, старшая медсестра, поднимает глаза. Она краснеет пятнами, как школьница, которую поймали за списыванием.

— Да нет, Вероника Игоревна, — мямлит она, теребя край халата. — Показалось вам.

— А что именно мне показалось? Что вы шепчетесь и замолкаете, когда я подхожу?

Тишина. Три пары глаз смотрят в пол, на стены, на бумаги. Куда угодно, только не на меня.

— Мы просто... обсуждали новые назначения, — Лена вступается, но голос у нее дрожит. — Ничего такого.

Я смотрю на них еще пару секунд. В груди разрастается противное липкое чувство. Мне врут в глаза, и мы все это знаем. Но не могу же я трясти из них правду силой. Я разворачиваюсь и иду к себе, чувствуя спиной их взгляды.

Захожу в кабинет, закрываю дверь. Сажусь за стол. Передо мной стопка историй болезни, но буквы плывут. Я смотрю в одну точку и вижу только ее... ту женщину. Ее усмешку. Ее идеальную укладку.

Теперь ее запах преследует меня. Он въелся в ноздри, кажется, даже мои волосы им пропахли.

Пытаюсь работать. Читаю диагноз одной пациентки, перечитываю три раза и не понимаю ни слова. Миома матки. У кого-то миома, а у меня муж, которого ищут шикарные женщины в мини.

Беру ручку. Она дрожит в пальцах. Кладу её. Сжимаю ладони в кулаки, чтобы прекратить эту дрожь. Не помогает.

Я смотрю на часы. Прошло всего пятнадцать минут? Господи, как медленно тянется время.

В голове крутится одна и та же мысль, как заезженная пластинка: Почему она ищет его? Зачем он ей? Я начинаю придумывать варианты, один нелепее другого. Может, это его бывшая пациентка? Может, он спас ей жизнь, и она пришла поблагодарить? Но зачем тогда этот тон? Этот странный взгляд в мою сторону?

А если... если она не бывшая пациентка?

Желудок скручивает спазмом. Меня мутит. Я встаю, подхожу к кулеру, наливаю стакан воды. Пью жадно, вода ледяная, но легче не становится.

Через полчаса не выдерживаю. Надо выйти. Надо увидеть людей, отвлечься. Может, это просто паранойя? Может, у меня ПМС, и я все драматизирую? Это же мой муж. Мой Стас. Мы с ним столько лет вместе.

Выхожу в коридор. Иду к посту. И снова слышу.

Теперь девочки даже не пытаются скрываться. Видимо, думают, что я сижу в кабинете. Шепот громкий, отчетливый, злой.

— ...да она уже приходила к Самойлову. Я сама видела, — это голос Кати, молоденькой. — Такая фифа, вся из себя. На шпильках, при макияже.

— Ага, — вторит Лена. — И не в первый раз. Я еще на прошлой неделе видела, как она из приемного покоя выходила, когда его смена заканчивалась.

— Да ну? — ахает Надя.

— Вот тебе и ну. Мужики они такие... Особенно когда жена целыми днями на работе. Скучно им становится.

Я замираю за углом. Меня словно парализовало. В ушах стучит кровь так громко, что я боюсь, они услышат. В груди пожар. Щеки горят огнем. Меня нет. Я превратилась в один сплошной обнаженный нерв.

Каждое их слово, как пощёчина. Как плевок в душу. Они обсуждают меня. Мою жизнь. Мой брак. С жалостью? С насмешкой? Им-то что за дело до этого?

Я появляюсь перед ними бесшумно, как призрак.

— О ком это вы говорите?

Глава 3

Вероника

Тишина. Гробовая. Катя открывает рот и закрывает, как рыба. Лена бледнеет. Надя подсакивает на стуле.

— Вероника Игоревна, — лепечет Надя, — да ерунда. Мало ли кто к нашим докторам приходит. Пациентки там, знакомые...

Нашим докторам. Она сказала во множественном числе. Значит, это система? Значит, это норма, что кто-то то и дело приходит на личные приемы?

Земля уходит из-под ног. Коридор начинает покачиваться. Я хватаюсь за край поста, чтобы не упасть.

— Пациентки, — повторяю я эхом. Голос чужой, безжизненный. — Да. Конечно. Пациентки.

Я хочу верить. Я должна верить. Иначе пропасть. Иначе зачем я здесь? Зачем я стираю его рубашки? Зачем я жду его по вечерам? Зачем я люблю его?

Но та усмешка... тот взгляд с ног до головы.... Та женщина, которая смотрела на меня и видела пустое место. Насекомое под ногами.

Я резко разворачиваюсь и иду к выходу из отделения. Не знаю, куда. Просто иду.

— Вероника Игоревна! — слышу вдогонку. Голос женский, властный. Я оборачиваюсь.

Из двери заведующей моего отделения выглядывает Татьяна Сергеевна. Наш глав.врач. Она смотрит на меня поверх очков.

— Вероника Игоревна, я слышала, что вы меня искали с утра? — голос строгий, официальный. — Я освободилась. Давайте поднимемся в мой кабинет и поговорим.

Искала. Да. Утром. Казалось, в прошлой жизни. Когда мир еще не развалился на куски и я не думала о том, что запах ванили может быть ядом.

Я сглатываю ком в горле. Киваю.

— Да, искала. Простите, закрутилась. Иду.

Перед ее кабинетом я на секунду замираю, прижимая ладони к пылающим щекам. Глубокий вдох. Выдох. Та девушка, шепот медсестер, усмешка. Всё нужно затолкать поглубже, в самый дальний ящик сознания. Сейчас я врач-гинеколог Вероника Игоревна, и у меня разговор с начальницей.

— Вероника Игоревна, заходите, — раздается строгий голос Татьяны Сергеевны.

Я открываю дверь и захожу в царство порядка и стерильной чистоты. Она сидит за столом, как всегда уверенная, подтянутая, в идеально накрахмаленном халате. Седые волосы уложены в аккуратную прическу. Она смотрит на меня поверх очков, и от этого взгляда у бывалых медсестер поджилки трясутся. Но я не боюсь.

— Вероника Игоревна, присаживайтесь, — кивает она на стул. — Я вас слушаю. Вы хотели поговорить о чем-то?

— Татьяна Сергеевна, я, можно сказать, по личному вопросу. Не по работе, — выпаливаю на одном дыхании. — Мне нужно... можно Станислава Эдуардовича на завтра отпросить? По семейным обстоятельствам.

Татьяна Сергеевна приподнимает брови. И этого достаточно, чтобы я почувствовала себя неловко. Обычно ни я, ни он не просят о таком. А тут я еще и прошу за мужа, а не за себя.

— По семейным? — переспрашивает она, и в голосе проскальзывает любопытство. Татьяна Сергеевна знает нас со Стасом довольно давно. — А что случилось, Вероника?

— У меня..., — я запинаюсь, чувствуя, как щеки снова розовеют. Глупо, конечно, стесняться своего дня рождения в тридцать пять лет. Но когда говоришь об этом вслух начальнице, почему-то становится неловко. — У меня завтра день рождения. Тридцать пять лет. Я хотела,

чтобы мы провели этот день вместе. Я понимаю, что у него плановые операции, обязанности, но, может, его можно заменить кем-то?

Татьяна Сергеевна смотрит на меня поверх очков пару секунд, и ее строгое лицо искажается гримасой сомнения и какого-то сочувствия.

— Вероника Игоревна, — говорит она мягко, — Станислав Эдуардович уже отпросился. Разве вы не в курсе его планов?

Я замираю. Сердце пропускает удар. Когда он успел отпроситься? Почему не сказал мне?

— Он еще вчера заявление написал, — продолжает она, и в ее глазах мелькают теплые искорки. — Сказал, что сюрприз какой-то готовит. Столик в ресторане заказал, в спа-отель после ужина хотел вас отвезти. Молодец какой! Редко сейчас мужья так о женах заботятся.

У меня от сердца отлегло так резко, что на мгновение потемнело в глазах. Теплая волна разливается по груди, щекочет изнутри, подступает к горлу сладким комом. Он помнит.

Он не просто помнит. Он готовит сюрприз! Столик в ресторане, спа-отель... Откуда он узнал, что я мечтала об этом? Кажется, я обмолвилась как-то об этом, когда смотрела какое-то видео в соцсетях, а он запомнил. И, скорее всего, та девушка внизу... наверное она организатор. Она помогает ему.

— Правда? — выдыхаю я, и голос звенит, как натянутая струна. — Спасибо большое, Татьяна Сергеевна! Огромное спасибо!

Вылетаю из кабинета, как на крыльях. Дверь за мной захлопывается, и я прислоняюсь спиной к стене в коридоре, прижимая руки к груди. Сердце колотится, как сумасшедшее, но теперь это не страх, не тревога, а чистая, незамутненная радость.

Он помнит! Он готовит сюрприз!

А я, дура, полчаса назад готова была повесить на него всех собак, расплакаться из-за какой-то фифы с ванильным запахом и поверить больничным сплетницам. Стыдно-то как! Хорошо, что не натворила глупостей и не устроила скандал.

И тут меня осеняет. А что, если я тоже сделаю сюрприз? В ответ. Не буду ждать завтра, не буду сидеть и куковать одна, перебирая в голове дурацкие мысли. Я приду к нему сама. Мы вместе поедем домой. Я покажу, что я тоже о нем думаю.

Решено.

Смотрю на часы. До конца его смены еще есть время, но если я потороплюсь, мы можем уехать пораньше. Я быстро заканчиваю с пациентами. Кого не успела осмотреть, перенаправляю к коллеге. Переодеваюсь в раздевалке, натягиваю джинсы и легкий свитер. Не наряд, конечно, не шпильки и не мини, но хотя бы не халат. Распускаю волосы, трясую головой, чтобы они улеглись. Смотрю на себя в зеркало. Из отражения на меня смотрит женщина с раздумянными щеками и блестящими глазами.

Неплохо. Для моего возраста вообще шикарно. А для человека, который отработал напряженную смену, вообще идеально.

Выбегаю на улицу. Февральский воздух ударяет в лицо, и я глубоко вдыхаю, наслаждаясь свободой. Через дорогу от нашей больницы есть маленькая кофейня, где мы со Стасом иногда берем кофе по дороге домой. Там варят его любимый латте с карамелью.

Забегаю в кофейню. Внутри тепло и пахнет корицей. Я заказываю два больших латте с карамелью. Девушка за стойкой улыбается. Я расплачиваюсь и ловлю себя на мысли, что руки дрожат. От предвкушения. От счастья.

Выхожу на улицу и тут же понимаю, что совершила ошибку. Ветер усилился, волосы лезут в лицо. Держать два горячих огромных стакана кофе неудобно. Я пытаюсь пригладить непослушные пряди.

Надо было взять подставку. Всегда, всегда надо брать подставку, но я вечно отказываюсь, думая, что донесу так. А теперь кофе рискует опрокинуться, пока я поправляю волосы.

— Вот же, — шепчу я, пытаюсь нажать кнопку лифта в больнице.

Лифт приезжает, но как назло, ползет медленно. Я втискиваюсь в кабину вместе со своим хрупким грузом, прижимаю стаканы к груди, чувствуя, как тепло просачивается сквозь свитер. Пахнет кофе и карамелью. Вкусно. Уютно. Почти как счастье.

На третьем этаже, где хирургия, я выхожу. Коридор пустой и тихий. Странно. Обычно в это время уже начинается вечерняя суета: медсестры бегают с анализами, врачи заполняют карты перед уходом. А сейчас здесь ни души. Тишина стоит такая, что слышно, как гулко стучит мое сердце.

Наверное, все на планерке.

Иду к кабинету мужа. Мои балетки мягко ступают по линолеуму. Я уже предвкушаю его лицо, когда он увидит меня. Сначала удивится, потом обрадуется. Мы выпьем этот кофе прямо здесь, в кабинете, как в старые добрые времена, когда только начинали встречаться и он работал сутками, а я приносила ему еду в контейнерах.

Подхожу к двери.

Толкаю ее вперед, чтобы войти, и вдруг замираю. Дверь закрыта, а из-за нее доносятся звуки.

Приглушенные. Сдавленные.

Женский всхлип. Прерывистое дыхание. А потом мужской рык. Глухой, низкий, звериный. Такой я слышала только в спальне. В нашей спальне.

Я стою, превратившись в соляной столб. Стаканчики с кофе застыли в руках. Тепло, исходящее от них, больше не кажется уютным. Оно обжигает ладони, но я не чувствую боли. Я вообще ничего не чувствую, кроме звенящей пустоты в голове.

Там. За дверью. Мой муж.

Женский всхлип повторяется. Теперь громче.

Я должна войти. Должна распахнуть эту дверь и посмотреть им в глаза.

Должна закричать, бросить стаканы ту, кто стонет там, в его кабинете.

Но я не могу пошевелиться.

Руки онемели. Ноги приросли к полу. В ушах гул крови. А в груди огромная ледяная пустота. Туда, где только что плескалась радость и предвкушение, рухнула черная дыра.

Секунды тянутся, как смола. Я слышу каждый вздох за дверью. Каждое движение. Мой мозг услужливо рисует картинки, от которых хочется выколоть себе глаза.

Кофе в стаканах остывает. Я чувствую, как по спине пробегает холодок.

Перед глазами возникает та девушка. Ваниль. Шпильки. Мини. Идеальная укладка.

А я поверила в сюрприз. Неслась сюда с кофе, как девчонка на первое свидание. Я, которая час назад корила себя за дурацкие мысли и радовалась, что он помнит про мой день рождения, теперь стоит у его кабинета и не знает, что делать.

Он помнит. О да, он помнит. Только отмечать он собрался, видимо, не со мной. Да и ресторан со спа-салоном, скорее всего, не для меня.

Глава 4

Вероника

Сзади, за спиной, продолжается жизнь. Пациенты, медсестры, которые снова будут шептаться. А впереди дверь, за которой рушится мой мир.

А я все стою. И не могу шагнуть ни туда, ни обратно.

Я стою в коридоре, и каждая клетка моего тела кричит. Но этот крик беззвучный, он заперт где-то внутри, в горле застрял ком размером с кулак. Руки, ноги, губы все онемело. Только сердце колотится где-то в висках, глухо и часто, как барабан перед казнью.

За дверью снова всхлип. Теперь протяжный, почти счастливый. У меня внутри все переворачивается.

Я должна уйти. Должна развернуться и сделать вид, что я ничего не слышала. Сохранить лицо. Сохранить достоинство. Сохранить остатки брака, который только что рассыпался в прах за этой пластиковой дверью.

Но ноги не слушаются. Они словно приросли к полу, к этому месту, где я была счастливой душой с горячим кофе в руках.

Мысль приходит внезапно, острая, как скальпель:

А если это не он? Если я ошиблась?

Глупо? Да, безусловно, но мозг старается хоть как-то защитить меня. Спасти от боли, которая может меня убить.

Звуки такие однозначные... но мало ли. Я должна увидеть все собственными глазами.

Может, у них пациентка в истерике? Может, кого-то тошнит? Может, там правда совещание, а я наслушалась больничных сплетен и теперь готова повесить на мужа измену из-за какого-то кофе и запаха духов?

Да. Точно. Я схожу с ума. Я параноик. Мне нужно проверить. Убедиться. А потом принимать решения.

Я разворачиваюсь и иду к посту медсестер. Шаг. Еще шаг. Стаканы с кофе все еще в руках, пальцы свело судорогой, но я не могу их поставить. Они держат меня. Эти стаканы, это моя опора.

Пост медсестер пуст. Только одна дежурная сидит и что-то пишет. Увидев меня, она вздрагивает и краснеет. Так краснеют, когда знают то, чего не знаешь ты.

— Привет, — мой голос звучит ровно. Слишком ровно. Ледяное спокойствие. — У Станислава Эдуардовича совещание? Кто-то есть в его кабинете?

Она переводит взгляд куда-то мимо меня. На стену. На пол. На свои руки.

— Я... я не знаю, Вероника Игоревна, — мямлит она. — Вроде в расписании нет ничего такого. Но он просил его не беспокоить. Может, внеплановое?

Просил не беспокоить. Конечно, просил. Чтобы никто не помешал его внеплановому совещанию.

— Тогда кто там? С ним в кабинете, — спрашиваю я, пока внутри все сжимается в тугий узел. Я уже знаю ответ. Но должна услышать подтверждение.

— Не знаю, — она пожимает плечами, но глаза бегают. — Я не видела никого.

Врет. Она все видела. Она знает с кем он зашел в свой кабинет.

Я делаю глубокий вдох. В груди холодно, как в морозильной камере.

— Дайте мне ключ от его кабинета, — говорю я. — Запасной.

Она поднимает на меня испуганные глаза.

— Зачем? — шепчет она. — Вероника Игоревна, может, не надо? Он же просил...

— Дайте мне ключ. Я знаю, что у вас есть, — мой голос режет воздух, как скальпель. Он ледяной, не терпящий возражений. Это тон, после которого никто не спорит. — Сейчас же.

Она тянется к ящичку стола дрожащей рукой. Достает связку, долго ищет нужный ключ, роняет его, поднимает. Протягивает мне. Перекладываю стаканы в одну руку. Неудобно, тяжело, но я справляюсь. Второй рукой беру ключ. Металл холодный, тяжелый.

— Спасибо, — говорю я механически и разворачиваюсь.

— Вероника Игоревна..., — кричит она мне вслед. — Если что, то вы сами его взяли. Я не хочу, чтобы Станислав Эдуардович меня уволил, — но я уже не слушаю. Мне все равно.

Я иду обратно по коридору. Он бесконечный, как в кошмаре. Лампы дневного света гудят над головой. Где-то вдалеке слышны голоса, но они будто из другого мира. Я иду, и каждый шаг отдается в висках.

По мере приближения звуки становятся громче. Теперь я слышу все отчетливо. Женские стоны. Уже не сдерживаемые, а открытые, разнузданные. И мужское дыхание. Тяжелое, хриплое, знакомое до дрожи. Я слышала это дыхание сотни раз. По ночам. В нашей постели.

Останавливаюсь у двери. Ключ в правой руке. Стаканы с кофе в левой. Я смотрю на дверь, на табличку с его фамилией.

За дверью на секунду воцаряется тишина. А потом снова стон. Громче прежнего.

Я вставляю ключ в замочную скважину.

Поворачиваю.

Глава 5

Вероника

Щелчок замка звучит как выстрел в тишине коридора. Толкаю дверь вперед, пытаюсь не уронить стаканы, а сердце уже бьется так, что пора вызывать кардиолога.

Она открывается медленно, со скрипом. Первым моему взору открывается шкаф. Взгляд скользит дальше, как в замедленной съемке. Бумаги, карты пациентов, все разбросано, стул опрокинут. Я поднимаю голову и вижу... стол, беспорядок на столе.

И мой муж. Он стоит сбоку стола, штаны спущены до самого пола. Рубашки нет. Халата нет. Пресс так напряжен, что я вижу, как по нему стекают капельки пота. Он стоит, наклонившись над столом и упершись руками в столешницу.

Под ним, на столе, распластавшись ягодичными мышцами кверху, лежит ОНА. Ее платье задрано до пояса. Кружевные чулки сползли до колен. Ее бедра бьются об опору стола.

Мир останавливается. Звуки исчезают. Я слышу только нарастающий, как сирена, гул в ушах. Кофе становится невероятно тяжелым в моей руке, но я его держу.

Ее голова запрокинута, глаза закрыты, губы приоткрыты и на них размазанная темная вишневая помада. Та самая, что была и на том стакане, который я отправила в урну. Она не видит меня. Она сейчас где-то в своем мире, полном нереального наслаждения.

А он видит.

Сначала он видит меня лишь в отражении стекла шкафа.

Я смотрю на его лицо в этом мутном стекле и вижу, как оно меняется. Удовольствие и расслабленность постепенно рассеиваются. На смену им приходит узнавание. Потом ужас. Глаза расширяются, рот открывается в беззвучном крике. Он перестает совершать поступательные движения, замирает, как статуя. Его руки все еще сжимают ее бедра, но он не торопится поворачиваться в мою сторону.

Эта доля секунды длится вечность.

Я стою в дверях. В одной руке держу два карамельных латте. В другой все еще сжимаю ключ. Смотрю на них. На него. На ее размазанную по лицу помаду. На ее идеальную укладку, которая, кажется, даже не растрепалась. На его спину, которую я гладила вчера ночью, думая, что он устал после операции.

Тишина. Звенящая, мертвая.

Его любовница, кажется, начинает что-то чувствовать. Открывает свои затуманенные желанием глаза.

— Милый, почему ты остановился? — она поворачивает голову. Видит меня. Сначала вздрагивает, сжимается, а потом...

Этот момент я точно запомню на всю жизнь. Она улыбается. Чуть-чуть. Уголками губ. Той самой усмешкой, которая была в регистратуре. Только теперь в ней нет ничего, кроме торжества. Она выиграла. Она это знает. И ей плевать на то, что я стою здесь, что рушится моя жизнь, что я сейчас развалюсь на куски прямо на пороге. Она просто лежит под моим мужем и улыбается мне в лицо.

Я держу стаканы с кофе, словно в них мое спасение. Пальцы свело судорогой, костяшки побелели. Я должна что-то сделать. Закричать. Заплакать. Запустить в них этим кофе. Смять стаканы об их головы. Убить их обоих. Упасть в обморок. Убежать.

Но я стою. Как вкопанная.

Кофе уже не обжигает пальцы. Он стал чуть прохладней. Я чувствую это по тому, как его тепло проникает сквозь картон в ладони. Или это просто кровь отхлынула от рук. Не знаю.

Я вообще больше ничего не знаю. Я не знаю, кто этот мужчина, с которым я прожила шесть лет. Я не знаю, где я. Я не знаю, почему мои ноги не двигаются, почему рот не открывается, почему слезы не текут из моих глаз. Их просто нет.

Он дергается, пытается отстраниться от нее, но штаны мешают. Он путается, теряет равновесие, снова хватается за стол, выбивая из ее горла новый стон, но в этот раз он какой-то болезненный, нервный.

Она проводит рукой по волосам. Секунду смотрит на меня с вызовом, а потом ее лицо меняется. На нем появляется что-то похожее на панику.

— Вероника..., — голос Стаса хриплый, чужой. — Это не то, что ты думаешь...

Глава 6

Вероника

Я смотрю на него. На человека, с которым прожила шесть лет. Который клялся в любви. Который написал заявление на отгул, чтобы отметить мой день рождения. Который заказал столик в ресторане и забронировал спа.

На этого голого, жалкого человека, который только что сношался с другой на моих глазах, а теперь пытается оправдываться. Это не то, что ты думаешь.

Господи, какая пошлость. Какая чудовищная, непроходимая банальность! Неужели нельзя было придумать что-то оригинальнее?

Во рту металлический привкус. Кажется, я прикусила губу до крови. Или это просто адреналин делает кровь соленой. Не знаю. В голове белый шум. Тело работает на автопилоте.

У меня нет сил кричать. Нет сил плакать. Но руки действуют сами собой. Словно не я управляю ими, а кто-то другой, очень злой и очень решительный.

Я поднимаю кофе.

Медленно.

Стас смотрит на это движение, и в его глазах сначала непонимание, потом страх. Он видит мои руки, видит два стакана с кофе. Все, что я несла ему с любовью несколько минут назад.

— Ника, не надо, — бормочет он, выставляя вперед руки в защитном жесте. — Давай поговорим...

— Поздно. Мы уже поговорили. Очень убедительно.

Я швыряю кофе вперед со всей силы, на которую способно мое обессиленное тело. Но этой силы оказывается вполне достаточно.

Два стакана срываются, описывают в воздухе плавную дугу. Один врежется прямо в его голую спину. Второй летит в нее, но он успевает отбить его. Я слышу глухой удар картона о его кожу, а потом шипение. Кофе был остывшим, но не ледяным. В нем было достаточно градусов, чтобы обжечь.

Коричневая жидкость растекается по пояснице мужа, заливается в ямочку над копчиком, стекает в ягодичную складку. Горячая карамель смешивается с потом. И растекается под его ногами коричневой лужей, которая выглядит уж сильно неоднозначно, учитывая их положение.

— А-а-а, сука! — орет он. Голос визгливый, незнакомый. Так кричат только от дикой боли. — Горячо же!

Он дергается всем телом, пытаясь смахнуть с себя напиток, но куда там. Кофе везде. На спине, на пояснице, на... в общем, везде.

Капли летят во все стороны. Какая-то часть все же попадает на его любовницу. Она все еще лежит на столе, оттопырив свои ягодичные мышцы, в полной прострации от моего появления.

— Ай! — взвизгивает она, дергаясь.

И тут происходит то, чего не ожидал никто.

Стас, который попытался отшатнуться, замирает на полусогнутых ногах. Его лицо искажается гримасой. Но не от боли ожога. А от другой боли. Глубокой, внутренней, дикой.

— Твою мать! — шипит он сквозь зубы.

Он дергается, пытается сделать шаг назад, но не может. Сначала я не понимаю, что происходит. Почему он не натягивает штаны, не отходит от нее, а потом до меня доходит. Я понимаю, в чем дело. Ее мышцы, сжатые испугом от моего появления и от неожиданного ожога, сомкнулись мертвой хваткой. Она в панике сжалась всем телом и... зажала его.

Они в ловушке.

Голый мужик с кофе на спине, и коричневой лужей у ног, стоящий над столом. И девица с размазанной помадой, распластанная на этом столе, причем они до сих пор...как бы это деликатно выразиться...в процессе совокупления. И никто из них не может это прекратить.

— Расслабься! — рывкает он на нее, забыв про всякую романтику. — Ты меня зажала! Отпусти!

Она в панике, таращит глаза, пытается отодвинуться, но каждое движение вызывает у него новый стон боли.

— Я не могу! — визжит она. Голос тонкий, истеричный. — Я боюсь! У меня спазм! Я читала про такое!

— Расслабься, мать твою, раз читала! — орет он. Пытается сделать шаг назад, дергается, и его лицо искажается такой мукой, что даже мне становится не по себе. — Твою же... больно!

Я стою и смотрю на этот цирк. На этого голого мужчину, который пять минут назад был моим мужем, а теперь напоминает пойманного зверя в капкане. Его глаза мечутся по комнате в поисках спасения. Он видит меня.

— Ника! — орет он, забыв про гордость, про достоинство, про всё. В его голосе теперь только животный страх и боль. — Пожалуйста. Помоги! Вызови кого-нибудь. Скорую! Хотя нет. Не зови никого. Давай лучше ты. Ты же гинеколог! Сделай что-нибудь! У неё спазм! Это же по твоей части!

Глава 7

Вероника

Я медленно расправляю невидимые складки на свитере. Провожу рукой по волосам, убирая прядь с лица. Смотрю на эту скульптурную группу.

По моей части. Ах вот как? Теперь это по моей части?

В коридоре уже слышны шаги. Много шагов. Топот. Голоса. На крики сбегается персонал. Они стоят в дверях его кабинета. Кто-то кричит: Что случилось?, кто-то: Вызывайте реанимацию!, кто-то просто матерится.

— Помочь? — переспрашиваю я ледяным тоном. Голос звучит ровно, спокойно, почти скучающе. Достая телефон. — Станислав Эдуардович, ну что вы? — поднимаю телефон вверх и делаю несколько фотографий.

— Ника! Че творишь?! — орет он.

— Хочу запечатлеть на память для вашего будущего. Потом распечатаете пару кадров и поставите на тумбочку у кровати. Будете смотреть и с умилением вспоминать, — мой голос полон спокойствия.

— Ника, дорогая, прошу, давай не сейчас, — шипит он сквозь стиснутые зубы, и смотрит на меня с надеждой. — Ты же гинеколог.

— Я гинеколог, да, — продолжаю я, делая шаг ближе к ним. Останавливаюсь, чтобы не заляпать балетки в кофе. Привстаю на носочки. Осматриваю, насколько это возможно. Горло сжимает от горечи и отвращения. — Но я, знаете ли, не по этой части, Станислав Эдуардович. А вы вроде как хирург. Вот и решите столь неординарную задачу сами.

— Ника, пожалуйста! — его голос срывается на хрип. — Мне же больно! Персонал смотрит. Давай же.

— А мне не больно? — спрашиваю я тихо. — Тебе было больно, когда ты трахал её? Когда она стояла в регистратуре и усмехалась мне в лицо? Когда ты готовил мне этот сюрприз на день рождения?

— Твой день рождения? — его лицо искажается. Он вопросительно приподнимает одну бровь.

— Как здорово. То есть ты забыл о нем. Получается, что твой выходной, который ты взял, был не для того, чтобы сделать мне сюрприз, а для нее? И спа, и ресторан... все это предназначалось ей?

Он открывает рот, но не находит слов.

Я смотрю на девушку. Она лежит, вжав голову в плечи, и тихонько всхлипывает. Жалкое зрелище. Идеальная укладка сбилась, помада размазалась по щеке, тушь потекла.

— У дам легкого поведения, — говорю я задумчиво, — бывают такие психосоматические реакции вроде вашей. От страха, знаете ли. Или от стыда. Хотя, судя по вашей позе и месту, стыд вам незнаком, — бросаю я, глядя ей прямо в глаза. — Но страх да. Испугались вы знатно.

— Вероника! — рявкает он, пытаясь сохранить остатки достоинства. — Помоги! Это не шутки!

— А я и не шучу, — пожимаю плечами. — Я вообще не знаю, как купировать это в полевых условиях. Вам нужен другой специалист. Либо спасатель МЧС. Либо...

Я делаю паузу. В голову приходит идея. Злая, жестокая, но какая же сладкая.

— Либо можете воспользоваться скальпелем, — говорю я сладко. — Он же продолжение вашей руки, разве нет? Хирург вы или кто? Думаю, вы знаете, что нужно отрезать, чтобы освободиться. Вопрос только в том, что именно. Вариантов, в общем-то, у вас не так много.

Его лицо бледнеет. До него доходит смысл моих слов.

— Ты с ума сошла? — шепчет он.

— Я? — я улыбаюсь. Улыбка выходит кривая, страшная, но искренняя. — Нет, это вы, кажется, сошли с ума, когда решили, что можете спать с кем попало в своем кабинете, пока я стираю ваши рубашки и ношу вам кофе.

За моей спиной уже собралась толпа. Я слышу ахи, охи, сдавленные смешки. Кажется, там и Надя с поста, и Лена, и даже Валентина Петровна из регистратуры прибежала. Отлично. Пусть видят. Пусть запомнят.

— Сами справитесь, — говорю я громко, чтобы все слышали. — У вас же руки золотые. Все отделение теперь знает, какие у вас руки. И не только руки, как выяснилось.

— Вероника, — хрипит муж, искоса поглядывая на тех, кто уже здесь и наблюдает за этой сценой. — Я же нормально тебя прошу.

— Конечно. И я с радостью тебе помогу, но... ой, у меня смена закончилась пять минут назад, — улыбаюсь я, пока внутри все содрогается. — Кажется, уже не получится у меня. Но ты не переживай. Я вас так не оставлю. Я же не злыдня какая-то. Я все же твоя жена.

Я разворачиваюсь. Медленно, с достоинством, словно на подиуме, а не в залитом кофе кабинетом, выхожу в коридор и, насколько у меня хватает сил, начинаю кричать.

— Помогите! Все, кто свободен, срочно в кабинет Станислава Эдуардовича! Здесь требуется неотложная помощь!

Толпа смеется, перешептывается, врачи всей клиники сбегаются к его кабинету. Кто-то фотографирует, осторожно высунув телефон из кармана, чтобы было незаметно. Кто-то стоит, прикрыв рот рукой.

— Вероника! — слышу я вслед, как орет мой муж. — Я тебя уничтожу!

Но я уже не слушаю. Я иду по коридору. В голове пустота и звон. Только одна мысль пульсирует где-то на периферии: Я только что посоветовала мужу отрезать его половой орган скальпелем. В присутствии коллег. Опозорила его на всю больницу. Я сошла с ума. Или наоборот, только сейчас начала приходить в себя.

За спиной крики, чей-то истерический смех. Кто-то уже вызывает врачей с другого этажа. Кто-то, судя по возне и крикам, пытается помочь. А я иду к выходу, и каждая клетка моего тела дрожит от освобождения.

Глава 8

Вероника

Я иду по коридору, не разбирая дороги. Ноги несут сами, глаза ничего не видят. Перед глазами всё еще стоит та картина с голым Стасом, с перекошенным лицом девицы, с ее размазанной по лицу помадой. Это кино будет прокручиваться в моей голове до конца жизни, я знаю.

Коридор больницы бесконечный, как тоннель в метро. Лампы дневного света мигают, создавая эффект замедленной съемки. Я иду, но кажется, что стою на месте.

И тут удар. Я врезаюсь во что-то твердое, живое, большое.

Чьи-то руки хватают меня за плечи, удерживая от падения. Я поднимаю глаза и вижу мужчину. Высокий, подтянутый, дорогой костюм, идеально выглаженная рубашка. Даже в моем полубоморочном состоянии я замечаю, что его костюм сидит идеально. Он явно не с рынка. Лицо красивое, но усталое, с глубокими морщинками у губ и легко, едва заметной сединой на висках. Глаза встревоженные, внимательные.

— Осторожнее, — говорит он мягко, но руки с моих плеч не убирает. — Вы не ушиблись?

Я смотрю на него невидящим взглядом. Ушиблись? Если бы. Меня только что убили, расчленили и собрали обратно в неправильном порядке. Подумаешь какие-то ушибы.

— Всё нормально, — мой голос звучит как у робота. — Извините.

Я пытаюсь вывернуться из его рук, пойти дальше, но он не отпускает. Смотрит внимательно, с профессиональной тревогой. Врач? Или просто хороший человек?

— Подождите, — говорит он. — Вам плохо? Вы бледная очень. Может, присядете? У вас наверное давление упало.

— Мне не плохо, — говорю я. — Мне уже никогда не будет плохо. Хуже просто уже быть не может. Дальше будет только лучше, обязательно будет лучше.

Он смотрит на меня с недоумением. Потом, видимо, решает, что я не его пациентка и не его проблема, и переходит к делу.

— Простите, я так понимаю вы здесь работаете? — киваю, ком в горле мешает говорить. — Отлично. Простите, вы не подскажете, — он оглядывается по сторонам, словно ища табличку. — Где мне найти Самойлова Станислава Эдуардовича? Мне сказали, он здесь работает. Он хирург и вроде заведующий хирургией.

Я замираю.

Сначала до меня не доходит смысл слов. Просто набор звуков. Самойлов. Хирург. Заведующий. Потом мозг включает обработку, и я чувствую, как губы сами собой растягиваются в странной улыбке.

— Как интересно, — говорю я тихо. Голос звучит чуть ли не весело. — Сегодня все ищут моего мужа.

Мужчина хмурится.

— Вашего мужа? — переспрашивает он, и в глазах появляется неловкость. — Простите, я не знал, что Станислав Эдуардович женат. То есть... это не мое дело. Я лишь хотел сказать...

— Да-да, женат, — перебиваю я. — Мой муж. Собственной персоной. Такой... с золотыми руками. Вы, наверное, именно по поводу его рук и пришли?

Он смотрит на меня с растущим недоумением. Понимаю. Я несу бред. Но остановиться не могу. Нервная система на грани, отсюда столь странная реакция.

— Он сегодня прям нарасхват, — продолжаю я, и в голосе проскальзывают истерические нотки. — Прямо самая яркая звезда отделения, во всех смыслах слова. Так что? Вы тоже к нему по личному вопросу?

Мужчина качает головой. Его лицо становится серьезным, озабоченным.

— Нет, что вы, — говорит он. — Мне... это... моя жена у него на приеме.

Пауза. Я смотрю на него и не понимаю. Прием? У хирурга? Какая жена? Он же прямо сейчас с...

— Я уже больше двух часов жду ее в машине, — продолжает мужчина, и в его голосе звучит искренняя тревога. — Она зашла к нему, сказала, что на полчаса. А ее нет. Я волнуюсь, все ли у нее хорошо. Может, он что-то нашел. Что-то серьезное? Все же он заведующий хирургией. Да и жена сказала, что он лучший в своем деле.

Два часа. Жена. Прием. Лучший в своем деле.

Слова складываются в картинку. Уродливую, но жизненную картинку. Та самая женщина на столе моего мужа. Она его жена?

Я смотрю на этого красивого, ухоженного мужчину с сединой на висках. На его дорогой костюм. На его честные, встревоженные глаза. И во мне поднимается такая волна жалости, смешанной с ледяной, прозрачной злостью, что у меня перехватывает дыхание.

— А как вашу жену зовут? — спрашиваю я так тихо, как только могу. Голос хрипит, ладони потеют. На лицо признаки отступающего шокового состояния.

— Светлана, — отвечает он. — Веретинская Светлана Дмитриевна. А что?

Светлана.

Та самая? Ваниль. Идеальная укладка. Шпильки. Усмешка в регистратуре. Размазанная помада. Задранное платье. И стоны на моем столе? Это правда может быть она?

— Светлана, говорите? — переспрашиваю я, и мой голос звучит странно, певуче. — Такая... в коротком платье. Блондинка. С маникюром, как у кошки?

— Ну да, — мужчина оживает. — Вроде сегодня в коротком платье пошла. А что? Ей плохо? С ней что-то случилось?

Я смотрю на него. На этого человека, который два часа сидит в машине и волнуется за жену. Который ждет, переживает, представляет себе страшные диагнозы. Который любит её. А она в это время...

— О нет, — говорю я медленно. — Тут вы ошибаетесь. Вашей жене гораздо лучше, чем вы можете себе представить. Честное слово. Возможно, не прямо сейчас, но еще минут десять назад ей было очень хорошо.

Он смотрит на меня, не понимая. В глазах сначала недоумение, потом тревога, потом проблеск страшной догадки.

— Что вы имеете в виду? — его голос становится жестче.

Я киваю в сторону коридора, откуда прибежала.

— Кабинет моего мужа прямо за углом. Вы не пройдете мимо. Сразу заметите его. Не уверена, что вам понравится увиденное, но найдете вы свою жену именно там.

Он смотрит на меня еще секунду. Что-то читает на моем лице. Потом резко разворачивается и быстрым шагом идет туда, куда я показала.

Я возвращаюсь на несколько шагов. Поворачиваю за угол. Останавливаюсь у стены. Смотрю.

Вот он уверенным, размашистым шагом идет в сторону толпы. Расталкивает ее. Заходит. Тишина. Секунда. Две.

А потом оттуда раздается такой ор, такой мат, такой крик, что еще чуть-чуть и у меня лопнут барабанные перепонки.

Я слышу всё. Испуганный, визгливый голос Стаса. Истеричный, заходящийся в визге голос той самой Светланы. И низкий, страшный, звериный голос мужчины. Он орет так, что стены дрожат. Слова не разобрать, но интонации говорят сами за себя. Там убивают. Там рвут на части. Там происходит что-то, что не снилось даже сценаристам самых жестоких драм.

Я прислоняюсь спиной к стене. Холодная краска приятно холодит спину. Ноги подкашиваются, и я медленно сползаю вниз, пока не оказываюсь сидящей прямо на полу. На грязном больничном полу, по которому час назад ходили сотни ног.

Крики из кабинета не стихают. К ним добавляются новые голоса: медсестры, санитарки, кто-то пытается их разнять, кто-то вызывает охрану. Шум стоит невообразимый.

А я сижу на полу, прислонившись к стене, и начинаю мелко трястись.

Сначала плечи. Потом руки. Потом все тело бьет крупная дрожь, от которой стучат зубы.

Это не смех. Это не плач. Это просто организм сдает назад. Адреналин, который держал меня последние полчаса, резко отступил, и теперь меня трясет, как в лихорадке.

Я сижу в коридоре, поджав ноги, обхватив себя руками, и молчу. Мимо пробегают люди. Кто-то бросает взгляд, кто-то не замечает.

Где-то там, за углом, чужой муж избивает любовника своей жены. Где-то там орет Светлана, у которой только что рухнула идеальная жизнь. Где-то там Стас голый, с кофе на спине и с зажатым членом пытается объяснить разъяренному мужчине, что он тут ни при чем.

А я сижу на полу и трясусь.

И почему-то мне смешно. Дико, истерически смешно. Я зажимаю рот рукой, чтобы не засмеяться в голос, но смех рвется наружу, перемешиваясь со слезами, и получается какая-то жуткая какофония звуков.

Глава 9

Вероника

Я сижу на холодном кафельном полу больничного коридора. Спина мерзнет, руки ледяные, но встать нет сил. Я просто сижу и смотрю в одну точку на стене, где отслаивается краска.

Из-за угла доносятся крики. Ор стоит такой, что, кажется, скоро лампы начнут падать. Светлана визжит так, что закладывает уши. Стас орет матом. Третий голос, мужской, низкий, рычит что-то нечленораздельное. К ним присоединяются голоса медсестер, санитарок, кажется, судя по голосам, туда пришел даже главврач.

А я сижу.

На мгновение всё погружается в тишину, а уже через несколько секунд рядом со мной кто-то садится на корточки. Я поднимаю глаза и вижу его. Того мужчину. Дорогой костюм теперь мятый, галстук съехал набок, на лбу испарина. Он смотрит на меня с какой-то странной смесью усталости, облегчения и горькой иронии.

— Любопытное кино я увидел, — говорит он тихо. Голос хриплый.

Я смотрю на него и не знаю, что ответить.

— Они живы? — спрашиваю я, кивая в сторону кабинета мужа. — Мне стоит вызывать реанимацию, или уже поздно?

Он усмехается.

— Думаю, реанимация им нужна для другого, — говорит он. — Для воскрешения совести например. Но это, кажется, даже ни одна реанимация не умеет.

— Они... всё еще? — я киваю на дверь, откуда доносится особенно громкий вопль Светланы.

— По всей видимости, — отвечает он. — По-крайней мере, когда я уходил все было без изменений.

— Как-то долго они.

Он молчит. Смотрит на меня, потом протягивает руку. В руке носовой платок. Белый, накрахмаленный, явно из набора для настоящих мужчин. Такие сейчас только в дорогих магазинах продают.

Я механически беру платок. Подношу к глазам, промокаю. И только сейчас понимаю, что глаза сухие. Я не плачу. Вообще. Организм забыл, как это делается.

— Спасибо, — говорю я, возвращая платок. — Но я не плачу. Странно, да?

— Нет, — он качает головой. — Не странно. Наверное, слезы — это для тех, у кого еще есть надежда.

Я смотрю на него с новым интересом. Оказывается, он умеет не только думать, но и молчать в нужные моменты.

Из кабинета доносится новый, яростный вопль Светланы:

— Да пошел ты со своей моралью! Это ты застрял во мне!

И следом голос Стаса:

— Заткнись, дура! Из-за тебя все!

И грохот. Кажется, упал стул. Или шкаф. Или стол.

Мужчина рядом со мной молчит. И в этом молчании есть что-то странное. Мы сидим на холодном полу, два брошенных человека, и слушаем, как рушатся жизни тех, кто нас предал.

— Я Валерий. Мою жену зовут Света. Мы женаты почти десять лет. Я думал, у нас все хорошо, — наконец говорит он тихо, задумчиво, словно сам с собой. Пауза. — Примите мои соболезнования, — добавляет он и криво усмехается. — Станный у нас с вами выбор партнеров.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри что-то оттаивает. Ледяная корка, которая сковывала сердце, дает трещину.

— Взаимно, — говорю я. — Я Вероника. Моего мужа... в смысле, почти уже бывшего мужа зовут Стас. Шесть лет в браке. Детей нет. Слава богу. Теперь понимаю, что слава богу.

— Почему, слава богу? — он поворачивает голову.

— Представляете, если бы были? — я смотрю на него в упор. — Представляете, каково было бы им? Им бы пришлось делить папу с этой... с ней. А папа у нас теперь был бы занятой. То в кабинете с чужими женами, то от их мужей бегают.

Валерий усмехается. Потом неожиданно для себя издает смешок. Короткий, хриплый.

Я смотрю на него, и вдруг во мне тоже что-то прорывается. Сначала один смешок. Потом второй. Потом третий.

Мы сидим на холодном полу недалеко от кабинета, где наши половинки только что устроили порно-драму с элементами боевика, и смеемся. Смеемся так, что слезы выступают на глазах, но не от горя, а от абсурдности происходящего.

— Вы бы видели их лица, — выдавливаю я, успокаиваясь. — Когда я швырнула в него кофе. Он орал, как потерпевший.

— А моя пыталась объяснить мне, что это недоразумение, что это он ее соблазнил! А она лишь несчастная жертва. Представляете?

— О, да! — я закатываю глаза. — Мой Стас по всей видимости не только руками работает в этой клинике! Он может загипнотизировать любую женщину так, что она сама разденется и ляжет на его стол! Прямо суперспособность!

Из кабинета моего мужа вылетает медсестра. Я узнаю её сразу. Это Катя из процедурной, с моего этажа. Растрепанная, красная, в глазах паника. Она озирается по сторонам, замечает меня на полу и подбегает.

— Вероника Игоревна! — выдыхает она, хватая ртом воздух. — Спасай!

Я смотрю на неё снизу вверх.

— Что?

— Не помогает укол! — Катя машет руками. — Надо срочно что-то предпринимать!

Я медленно поднимаюсь с пола, чувствуя, как затекла спина.

— Какой укол? Кому? Катя, я ничего не понимаю.

— Светлане той! — Катя чуть ли не плачет. — У неё спазм не проходит! Мы испробовали всё! Ничего не берет! А Станислав Эдуардович орет, что он сейчас сознание потеряет от боли! Вероника Игоревна, ну пожалуйста! Ты же гинеколог! Ты должна знать, как снять этот спазм!

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри меня разливается странное спокойствие.

— Совсем не помогает? — уточняю я.

— Совсем! — Катя заламывает руки. — Уже два укола сделали! Ноль реакции! Она в истерике, он в истерике! Пожалуйста!

Я вздыхаю. Поправляю кофту. Отряхиваю джинсы от невидимой пыли.

— Прости, Кать, — говорю я ровно. — У меня смена закончилась. По инструкции, не имею права.

Катя смотрит на меня с ужасом.

— Но Вероника Игоревна...

— Позовите кого-нибудь другого, — я разворачиваюсь. — Дежурного гинеколога. Или уролога. Или, на крайний случай, психиатра. Там, кажется, психиатр нужен всем больше, чем гинеколог. Или они уже там?

Она отрицательно мотает головой. Смотрит на меня.

— Мы вызвали дежурных, но у них сейчас обход. Больше не кому. Надо ждать.

— Значит, ждите.

Я делаю шаг, потом останавливаюсь и оборачиваюсь к Валерию. Он тоже встал, отряхивает дорогой костюм от больничной пыли.

— Удачи вам. Надеюсь, вы найдете женщину, которая не будет раздвигать ноги в чужих кабинетах.

Он смотрит на меня долгим взглядом.

— Взаимно, Вероника, — говорит он тихо. — И... спасибо. За то, что не стали закрывать на это глаза.

Я киваю и иду по коридору. Спиной чувствую его взгляд.

Впереди ор, крики, хаос. Я возвращаюсь к кабинету мужа, но не за тем, чтобы помочь.

Глава 10

Вероника

Я стою у его кабинета в пустом коридоре, прислонившись спиной к стене. Практически всех врачей уже разогнали подальше от скандала. Остались только те, кто действительно может помочь.

Я смотрю на свои руки. Они трясутся. Мелко, противно, как у алкоголички с похмелья. Сжимаю их в кулаки, но это не помогает. Разжимаю, но они трясутся еще сильнее. Интересно, это шок? Или просто адреналин доигрывает?

В голове каша. Мысли путаются, перескакивают с одной на другую, как бешеные обезьяны. То лицо Стаса, перекошенное болью и ужасом. То Света с размазанной помадой.

Осознание накрывает волнами. Меня тошнит. Буквально подкатывает к горлу, и приходится глотать, чтобы не вырвало прямо здесь. Потом отпускает. Потом снова накрывает.

Из приоткрытой двери его кабинета доносятся крики. Я не вслушиваюсь, думаю, они там сами разберутся. Но звуки становятся все громче, отчетливее. Я приоткрываю дверь, опираюсь плечом на дверной косяк, смотрю.

— Я не могу! — это Света. Визгливый истерический голос, от которого у меня самой начинает дергаться глаз. — Больно! Сделайте что-нибудь!

— Вызвали уже кого-нибудь? — а это Стас. Его голос я узнаю из тысячи, но таким я его не слышала никогда. Паническим. Визгливым. Мужчина, который шесть лет был моей скалой, моей опорой, сейчас орет, как потерпевший.

— Вызвали, Станислав Эдуардович. Ждем. Вы же знаете, что только Вероника Игоревна могла бы сделать все быстро.

— Сука, — шипит он. — Поторопите там врачей! Вроде в больнице, а хрен дожدهшься помощи.

Мимо пробегают врачи. Я поворачиваю голову и вижу Надю, старшую медсестру. Глаза круглые, как у совы, халат нараспашку. Она несется в сторону его кабинета, на ходу застегивая пуговицы.

— Чего стоите? — орет она кому-то невидимому. — Гинеколога где?! А уролог? Живо!

За ней санитар Михалыч с ведром. Зачем с ведром, не понимаю. Потом еще кто-то. Топот стоит такой, будто стадо бизонов несется по коридору. Надо же, как все заботятся о моем муже. Они забегают в кабинет, полностью игнорируя мое присутствие. Кричат. Я осторожно заглядываю в приоткрытую щель.

— Лед! Несите лед!

— Уролога вызвали?

— Да он уже идет!

— А гинеколог где?

— Вайнерман в ординаторской, я позвала его уже!

Я стою в дверях, как статуя, и смотрю на этот бедлам. Интересно, они меня совсем не замечают? Видимо нет. Они так увлечены этим зрелищем, что им не до меня, и меня это радует.

В конце коридора появляется тяжелая фигура. Аркадий Семенович, заведующий урологией. Мужчина под семьдесят, огромный, как шкаф, с лицом человека, который видел всё. И ничему не удивляется.

Он не бежит. Он идет. Тяжелым, размеренным шагом, от которого, кажется, дрожит пол. Останавливается возле кабинета, смотрит на меня и тут же заглядывает внутрь. Секунда и я слышу его усталый, менторский, чуть насмешливый голос.

— Станислав Эдуардович, ну сколько можно позорить нашу хирургию? Выж не подросток, чтоб сношаться где попало. Взрослый человек, а ведете себя..., — осуждающе бросает он. — Вставайте, давайте. И прикройтесь чем-нибудь, тут не публичный дом.

Из кабинета доносится сдавленный стон Стаса. И всхлип Светы.

Я закрываю глаза и прислоняюсь затылком к стене. Мне и смешно, и страшно, и тошно одновременно.

А внутри тем временем разворачивается спасательная операция. Я стою с закрытыми глазами, но слышу всё. Каждое слово. Каждый звук.

Голос гинеколога Вайнерман, из соседнего отделения.

— Так, пациентка, дышите глубже. Сейчас вы должны расслабиться. Представьте что-нибудь приятное. Море. Пальмы.

— Я не могу расслабиться! — голос Светы срывается на визг. — У меня там ОН!

— Ну не весь же, а всего лишь часть тела вашего партнера, — поправляет Вайнерман спокойно. — Не драматизируйте. Это медицинский случай. Так бывает.

— Бывает?! — это уже Стас. — У кого бывает?!

— У всех, — это голос Вайнштейна, уролога. Сухой, менторский, как у старого профессора. — Станислав Эдуардович, не дергайтесь. Вы сами себе только хуже делаете. Стойте и ждите, пока седация подействует. И дышите. Глубоко. Вам тоже кислород нужен.

— Я не могу стоять, — голос Стаса сдавленный, жалкий. — У меня ноги уже подкашиваются.

— Ну прилягте, — Вайнштейн невозмутим. — Вон на кушетку. Вместе с пациенткой. Не стесняйтесь, мы уже всё видели.

Представляю эту картину. Стас ложится на узкую кушетку. Света под ним. Оба голые. Вокруг толпа врачей.

Света. Голос медсестры.

— Лед принесли! Куда его?

— На промежность, — это Вайнштейн.

— КУДА?! — голос Стаса взлетает до фальцета.

— На промежность, Станислав Эдуардович, — терпеливо объясняет уролог. — Холод снимает отек и спазм. Кладите, девушка, не стесняйтесь. Прямо на... ну вы поняли.

Глава 11

Вероника

— Какой отек?! — орет Стас. — У меня там всё в порядке! Это у нее спазм!

— Вот именно, — это Вайнерман. — А спазм снимается холодом. Расслабьтесь и получите лечение. Вы в медицинском учреждении. Или вы хотите потянуть еще немного и в конечном итоге получить некроз? Вы же знаете, как с ним справляются?

На секунду воцаряется. Потом визг Светы:

— Холодно! Уберите!

— Да плевать на холод! — орет Стас. — Разнимайте! Быстрее!

— Терпите, — это Вайнштейн. — Это лучше, чем скальпель.

Проходит несколько минут. Сопение голосов внутри становится громче.

— Седация не помогает, — голос Вайнерман звучит озадаченно. — Спазм не снимается.

— Значит, эпидуралка, — это Вайнштейн. — Надо в операционную. Только там можно качественно обезболить и расслабить мышцы.

— Так, — это Аркадий Семенович. — Ребята, организуйте коридор. Чтобы без зевак. Станислав Эдуардович, вы как, дойдете или на каталку?

— Куда я пойду? Ты не видишь, в каком мы положении? — голос Стаса убитый, тихий.

Света отвечает пьяным, расслабленным голосом. Препарат начинает наконец-то действовать.

— Я спать хочу...

— Спать будете после, — отрезает Вайнерман. — Давайте на кушетку. Шествие начинается.

Я отхожу в сторону.

Сама не понимаю, зачем. Поправляю кофту, убираю волосы с лица. И делаю несколько шагов в сторону.

Не чтобы уйти. Нет. Чтобы увидеть своего мужа во всей красе.

Дверь открывается.

Первым выходит Аркадий Семенович. Он оглядывает коридор, замечает меня, но ничего не говорит. Только качает головой, но с какой-то странной усмешкой.

Потом появляются они на каталке.

Стас голый по пояс, в больничной простыне, обмотанной вокруг бедер. Простыня кривая, то и дело сползает. Он лежит и тихо кряхтит. Под ним лежит Света. Она тоже замотана в простыню, но меньше.

Рядом Вайнштейн. Он подстраховывает Стаса с одной стороны, придерживая его за локоть. С другой стороны идет Вайнерман, которая что-то говорит Свете, видимо, инструкции. Наши взгляды встречаются на долю секунды. Стас хочет что-то сказать, но каталка дергается, и он сжимает челюсти. Отводит взгляд в сторону, шипит.

— Спокойно, — командует Вайнштейн. — Медленно, плавно. Не дергайте каталку.

Стас лежит, стиснув зубы. Лицо белое, на лбу испарина. Глаза пустые. Он не смотрит по сторонам. Он вообще, кажется, не видит ничего, кроме кушетки перед собой.

Света мычит что-то нечленораздельное и икает.

За ними толпа. Медсестры, санитары, даже какие-то пациенты в халатах повисовывались из палат.

— А ну разойдись! Не видите, люди страдают! Чего вылупились, голых не видели?! — тетя Зина разгоняет зевак.

Из толпы ординаторской выглядывают медсестры. Я слышу их шепот, смешки.

— Это Самойлов, что ли? — шепчет кто-то. — Голый?

— Голый, — отвечает другой голос. — И застрял. Вон в той, в коротком.

— Ничего себе... А баба чья?

— Да говорят, жена какого-то бизнесмена. Пришла на прием, а попала... ну куда попала. Хохот. Тетя Зина рявкает так, что смех стихает.

Шествие медленно движется по коридору в сторону операционного блока.

Я стою в стороне и смотрю.

Мой муж.

Человек, которому я верила. Которого любила. Которому стирала рубашки и носила кофе.

Его везут в операционную, потому что он не может вытащить свой член.

Из-за угла доносится голос Аркадия Семеновича.

— Станислав Эдуардович, вы хоть понимаете, что теперь ваша фотография будет висеть в кабинете анекдотов? С подписью Не влезай — убьёт?

И голос Вайнштейна:

— Коллеги, запомните: это единственный случай, когда хирургу потребовалась помощь гинеколога и уролога, чтобы выйти из положения.

И тетя Зина, которая всё ещё разгоняет зевак.

— А ну, брысь! Идите по палатам! Чего вылупились, голых не видели?!

И Надя, пробегающая мимо с охапкой простыней:

— Господи, я это до пенсии буду вспоминать...

Потом поднимаю голову. Смотрю на дверь кабинета. Она открыта, внутри бардак: разлитый кофе, разбросанные бумаги, опрокинутый стул. И этот запах ванили. Он постепенно выветривается, но все еще висит в воздухе, как напоминание.

Глава 12

Вероника

Я покидаю клинику. Не хочу больше этого ни видеть, ни слышать. Двадцать минут в дороге в состоянии полной прострации, и такси останавливается у нашего подъезда.

Я расплачиваюсь, выхожу, и весенний воздух бьет в лицо. Свежий, прохладный, пахнет мокрым асфальтом и первой зеленью. Обычный вечер. Обычный мир.

Лифт ползет медленно, как в кошмаре. Я смотрю на свое отражение в зеркале на стене. Бледная, глаза пустые, волосы растрепались. Губы искусаны в кровь. На кофте пятно, кажется, кофе все-таки попало и на меня, когда я швырнула его в них.

Дверь. Достāju ключи трясущимися руками. Щелчок замка. Звук, который всегда означал: "Я дома, я в безопасности". Сегодня это звук начала конца.

Захожу в прихожую. Темно, тихо, пахнет моими духами и ужином, который я приготовила с утра, чтобы после смены не возиться долго, а сразу поесть вместе со Стасом. Глупая.

Снимаю обувь. Ставлю на полку. Рядом кроссовки Стаса, которые мы уже достали с дальней полки для теплой погоды. Стоят, как ни в чем не бывало. Наглые, спокойные. Я смотрю на них и чувствую, как внутри что-то обрывается.

Прохожу в комнату. Сажусь на диван. Сажу минуту, две. Потом ложусь прямо в одежде, вытягиваю уставшие ноги. Смотрю в потолок, думая о том, что произошло, но мозг, кажется, отказывается обрабатывать эту информацию. Отказывается верить собственным глазам.

Волна накатывает внезапно, как цунами. Сначала дрожь. Мелкая, противная, от которой стучат зубы. Потом холод. Ледяной пот выступает на лбу, на спине, хотя в квартире тепло. Потом слабость такая, что я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Я просто лежу и не двигаюсь.

В голове пустота. Но это не блаженная пустота, а выжженная земля. Там, где были чувства, надежды, планы, теперь только пепел и воронки.

Я пытаюсь дышать. Глубоко. Вдох. Раз, два, три. Выдох. Раз, два, три, четыре. Не помогает. Воздух не проходит. Он упирается в ком в горле.

Я закрываю глаза и вижу их. Голый Стас. Ее размазанная помада. Стол, на котором я оставляла ему записки с признаниями в любви и обеды в контейнерах, чтобы он всегда мог поесть. Запах ванили, смешанный с запахом секса.

Желудок скручивает спазмом. Я вскакиваю, бегу в туалет, меня рвет. Водой, желчью, потому что я сегодня так и не успела нормально поесть. Меня рвет так, что, кажется, сейчас я вывернусь наизнанку до самого дна.

Сажусь на пол, обхватив унитаза. Слез нет. Только сухие страшные хрипы, от которых болит горло.

— И чего тебе не хватило? — шепчу я в пустоту. — Что я сделала не так?

Ответа нет. Квартира молчит. Только холодильник гудит на кухне, равнодушный к моему рухнувшему миру.

Я поднимаюсь на ноги. Выхожу в коридор. Иду в комнату. Все как в тумане. Как в какой-то прострации. Смотрю на телефон. Время без десяти восемь. Он все еще там? В операционной? С ней? В окружении врачей, которые теперь будут судачить об этом до самой пенсии?

Мне должно быть плевать. Но мне больно. Так больно, что хочется выть. Но я не вою. Я сижу и смотрю в одну точку, пока тело само не решает, что пора лечь на кровать.

Я ложусь поверх одеяла. Не раздеваясь. Не умываясь. Просто лежу на спине и смотрю прямо перед собой. Потом, сама не замечая как, проваливаюсь в черную, тяжелую пустоту без снов.

Резкий звук двери вырывает меня из небытия. Профессиональная привычка. Организм реагирует на любой звук, как на угрозу, как на срочный вызов на дежурстве.

Я подскакиваю на кровати, не понимая, где я и что происходит. Сердце колотится где-то в горле. Смотрю на часы. Почти час ночи.

Слышу шаги в коридоре. Тяжелые, злые, громкие. Это наконец-то вернулся Стас. Он не крадется, не пытается быть тихим. Он топает, как слон, и я слышу, как он что-то бормочет под нос.

Я сажусь на кровати. Поправляю волосы. Включаю ночник. И замираю.

Дверь в спальню распахивается с такой силой, что ударяется о стену.

На пороге стоит злющий, как черт, Стас. Кажется, он сильно не в духе. Но, судя по тому, что он один, я могу сделать вывод, что их все же разъединили.

Вот только каким способом в итоге это было сделано?

А ещё мне очень любопытно: он пришел весь, или какая-то очень важная его часть все же осталась в больнице?

Глава 13

Вероника

Стас стоит в дверях злой, как собака. Красный, взбешенный, униженный. Глаза горят бешенством, губы сжаты в тонкую линию. В руках он сжимает какую-то бумажку.

— Что-то ты долго, — стараюсь говорить спокойно. — Некроз тканей не начался? Успели? Или ты уже того... без своего друга вернулся?

— Думаешь, я бы стоял здесь, если бы его отрезали?! — орет он.

— Ну, ты же хирург. Можешь отрезать так, что потери будут минимальны. Да и медицина шагнула далеко вперед. Ты же знаешь.

— Замолчи! — взрывается он. — Лучше скажи, ты довольна?! — орет он, приближаясь к кровати. Голос срывается на визг. — Довольна тем представлением, которое ты устроила?

Я смотрю на него. Внутри включается какой-то автомат. Тот самый, который помогал мне на сложных приемах, когда надо было забыть про эмоции и просто делать свое дело. Ледяное спокойствие опускается на плечи, как тяжелая шуба.

— Это ты должен быть доволен, — говорю я тихо. Голос звучит ровно, даже скучающе. — Или ты так взбешен из-за того, что не успел кончить? Так это поправимо. Могу вызвать такси и отправить тебя обратно. Там, кажется, еще не все разошлись.

Он замирает на секунду, переваривая. Секунда, и его лицо наливается кровью еще сильнее.

— Ты больная! — орет он, размахивая руками. — Ты все испоганила! Ты понимаешь, что теперь вся больница будет говорить об этом?! Вся! До самой пенсии! Я теперь посмешище!

— Ну, — я пожимаю плечами, — не вся больница. Только хирургия, урология, гинекология, пара отделений терапии, которые подтянулись на шум, и, кажется, регистратура. Но да, масштаб впечатляет.

— Ника! — он подходит ближе, нависает надо мной. От него пахнет больницей, потом и... странно, но все той же ванилью. Прилипло, видимо. — Это просто интрижка! Ничего серьезного! А ты устроила настоящий цирк!

— Я устроила? — я поднимаю бровь. — Интересная версия. По-моему, цирк начался, когда ты решил трахнуть чужую жену на своем столе. А я просто принесла кофе и позвала вам на помощь пару коллег.

— Пару коллег?! Там была вся больница! Ты могла помочь, не создавая шумиху! — его глаза наливаются кровью. — Ты гинеколог! Ты знала, что делать!

— Ой, прости. У меня к тому времени смена закончилась. Плюс родственные связи. Ты же понимаешь, что мне не положено, но я не оставила потерпевшего в беде. Я позвала на помощь.

— Ника..., — выдыхает он, и тут же морщится. Видимо, болевой синдром еще дает о себе знать. А возможно, это просто фантомные боли. — А если она теперь заявление напишет, из-за твоего цирка?! — он игнорирует мои слова, продолжая орать. — У нее муж — бизнесмен! Он нас всех засудит! Уволит к чертовой матери!

— Ой, — я зеваю. Демонстративно. — Страшно-то как. А ты скажи, что это было медицинское обследование, необходимое по заключению заведующего хирургией. Глубокое. С проникновением.

Он смотрит на меня с такой ненавистью, что мне становится жарко.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — шипит он, наклоняясь к моему лицу. — Ты не готова к внезапному сексу! Ты холодная! Ты вообще не понимаешь, что мужику нужно! Не понимаешь, что иногда полезно пощекотать нервишки! Я шесть лет с тобой, как в море! Любая бы на твоём месте...

— Любая? — перебиваю я. — Что любая бы? Заглядывала бы тебе в рот? Раздвигала ноги в любое время и в любом месте?

— Ника! — он выпрямляется, мечется по комнате, как зверь в клетке. — Ты должна была понять! Должна была принять! А ты... ты... кофе в меня швырнула! При всех! И еще этот мужик... ее муж... Это ты ему сказала где его жена?

— Я же врач, Стас. Заботливый муж поинтересовался, почему прием его супруги задерживается. А я лишь ответила, где найти врача его жены, чтобы уточнить все детали.

— Он мне чуть голову не оторвал! Думаешь, это весело? — Стас багровеет еще сильнее.

— Ты бы так не напрягался, Стас. Смотри, как сильно кровь к лицу прилила. Побереги, то что осталось в штанах, а то мало ли, станешь не нужен своей любовнице. Все же рабочий инструмент.

Глава 14

Вероника

Я молча смотрю на него. Встаю с кровати. Медленно, плавно, как кошка. Прохожу мимо него, выхожу в коридор, иду на кухню. Слышу за спиной его тяжелое дыхание и топот.

На кухне включаю свет. Беру стакан из сушки. Открываю холодильник, достаю бутылку воды. Наливаю полный стакан. Пью маленькими глотками, чувствуя, как ледяная жидкость обжигает горло.

Он стоит в дверях кухни, смотрит на меня, и в его глазах бессильная ярость.

Я ставлю стакан на стол. Поворачиваюсь к нему. Смотрю в упор.

— Ты бы поберег себя, — говорю я заботливо, но таким ледяным тоном, от которого, наверное, даже у покойников пошли бы мурашки. — А то там, наверное, до сих пор болит. Или уже отпустило? — взглядом указываю на его пах.

Он дергается, как от пощечины. Дышит тяжело.

— Или, может, примочку сделать? — продолжаю я. — Холодный компресс? Хотя тебе сегодня его уже делали. Говорят, это очень эффективно. Снимает отек и спазм.

— Заткнись, — шипит он, но голос уже не такой уверенный.

— Или, может, мазь какую? — я задумчиво смотрю в сторону аптечки. — У нас есть Спасатель. Или Фенистил. Хотя я не уверена, что это помогает после застреваний. Надо будет в инструкции почитать.

— Ты..., — он задыхается от злости.

— А Света твоя как? — продолжаю я, склоняя голову набок. — Отошла от наркоза? Не звонила? Не писала? Либи́до случайно в ноль не скатилось? А то я не уверена, что после такого, хоть кто-то сможет его восстановить.

Он молчит. Сжимает кулаки и смотрит на меня с такой ненавистью, что, кажется, воздух вокруг накаляется.

А я стою, прислонившись к холодильнику, и чувствую, как внутри разливается странное пьянящее чувство свободы.

— Знаешь, Стас, — говорю я тихо. — Ты пришел сюда орать на меня. Обвинять меня в том, что твой позор стал публичным. Но давай начистоту. Ты сам выбрал этот путь. Сам решил, что имеешь право сношаться на рабочем месте, только потому что тебе захотелось экстрима. А я просто оказалась зрительницей в первом ряду.

— Ты..., — он делает шаг ко мне.

— Я что? — я не двигаюсь с места. — Я фригидная? Я холодная? Я не понимаю? А ты понимаешь, что через неделю вся больница будет травить анекдоты про хирурга, который застрял? Что твой авторитет теперь опустился на самое дно? Что пациенты будут просить другого врача?

— Это все из-за тебя!

— Ах, ну да, конечно. В этом виновата именно я. Лучшая защита — нападение, не так ли? — я качаю головой. — А если посмотреть правде в глаза, то это из-за твоего члена. Который, кстати, теперь войдет в историю медицины. Как единственный случай, когда потребовался целый консилиум врачей, чтобы разъединить любовников.

Он замирает. Смотрит на меня долгим, тяжелым взглядом. Я не плачу. Я не прошу прощения.

— Ты... ты просто..., — он не может подобрать слов.

— Я просто пью воду, — я беру стакан и делаю еще глоток. — А ты иди проспись. Завтра тяжелый день. Надо будет объяснять главврачу, почему ты опозорил больницу на всю область. И, кстати, заявление на развод я подам в ближайшие дни.

— Ника! — орет он.

— Можешь не благодарить. Я же понимаю, что тебе сейчас будет не до этого. А лед все же приложи. Мало ли.

Он смотрит на меня. Открывает рот. Закрывает. Потом разворачивается и уходит, хлопнув дверью так, что дверцы в шкафчиках гарнитура начинают ходить ходуном.

Я остаюсь одна на кухне. Допиваю воду. Мою стакан. Ставлю в сушку. И вдруг понимаю, что впервые за сегодняшний вечер могу дышать полной грудью.

Глава 15

Вероника

Я стою на кухне, прислушиваясь к тишине. Слышу хлопок двери нашей спальни. Нашей бывшей спальни. Слышу, как он там возится, ходит, что-то бормочет. Наверное, переживает свой позор. Или уже строит планы, как выкрутиться.

Я мою стакан. Вытираю руки. И вдруг слышу шаги за спиной.

Он подходит тихо, крадучись. Я чувствую его присутствие раньше, чем он касается меня. Руки ложатся на плечи, скользят вниз, обхватывают за талию. Знакомое движение. Так он делал тысячу раз. Раньше это значило: "Я люблю тебя", "Я соскучился", "Давай мириться".

Сейчас это значит: "Я хочу сохранить удобную жизнь".

— Ника, родная, — мягко тянет он. — Прости меня. Я дурак. Это была ошибка. Страшная ошибка. Я люблю тебя. Только тебя. Она ничего не значит.

Он прижимается щекой к моей спине, и меня пронзает током. Но это не электричество страсти. Это омерзение. Физическое, животное отвращение. Кожа покрывается мурашками, но не от удовольствия, а от желания содрать с себя его прикосновения, как грязную одежду.

Я замираю. Смотрю прямо перед собой. В окне темнота, только фонари горят во дворе. И отражение. Мы двое, он обнимает меня сзади, я стою как каменная.

— Вероничка, ну пожалуйста, — он тычется носом мне в шею. — Давай забудем это недоразумение. Я все исправлю. Я подарю тебе такой день рождения, что ты ахнешь. Все будет хорошо.

Я медленно опускаю руки. Беру его за запястья. Сжимаю. И сбрасываю.

Резко. Сильно. Так что он отшатывается. Разворачиваюсь. Смотрю на него.

— Ты уже подарим мне самый шикарный подарок на день рождения. Давай остановимся на нем. Думаю, второго я такого не выдержу. И вообще. У тебя кислородное голодание? — говорю я с вызовом, глядя ему прямо в глаза. — Вроде кислород не поступал к другой голове, а помутнилась та, которой раньше думать надо было. Ты в своем уме такое мне предлагать? Или настолько все болит, что другой мысли тебе в голову не пришло, кроме как сделать вид, что все хорошо? А может, после этого ты остался с эректильной дисфункцией и теперь боишься, что никто на тебя не посмотрит?

— Ника, я же правда сожалею, — тянет он, но в голосе звучат нотки раздражения.

Игнорирую его слова. Не хочу ничего слышать. Иду в спальню. Здесь пахнет нами. Им. Мной. Прошлым. Я открываю шкаф, достаю чемодан. Ставлю на кровать. Щелкаю замками.

Он влетает следом, на секунду застывает, увидев чемодан.

— Ты куда? — голос сразу теряет просительные нотки. — Ты с ума сошла? Ночь на дворе! Ника, не глупи. Я же переживаю за тебя. Да, я признаю, что изменил, но я волнуюсь за тебя. Куда ты пойдешь? — он хватается меня за руку, останавливая, но я с силой вырываю ее и продолжаю.

Молча открываю его створку. Сгребаю стопку рубашек, те самые, которые я сотню раз стирала, гладила, приводила в идеальный вид, достойный должности моего мужа. Кажется, все это было в прошлой жизни. Кидаю в чемодан.

— Вероника, ты... ты что собираешь мои вещи?! — в его голосе недоумение.

— Бинго! — четко отвечаю я. — Значит, все же не кислородное голодание. Тогда, может, временное помутнение рассудка? Или ты думал, что я действительно лягу с тобой в одну кровать после того, как видела тебя сношающимся с другой женщиной?

— Ника! — рычит он и тут же подлетает, снова хватается меня за руку. Сжимает запястье так, что на утро там точно останется синяк. — Одумайся! Ты совсем дура, что ли? Кому ты нужна в тридцать пять?

Я выдергиваю руку. Смотрю на него. Спокойно. Холодно.

— Себе. Я нужна себе, Стас. Так что... ты уходишь.

Он непонимающе моргает.

— Я никуда не уйду, — шипит он, пока я складываю его джинсы. — Эта квартира общая. Я плачу за нее половину.

— А вторую половину плачу я, — спокойно отвечаю, и у меня даже получается натянуть на лицо высокомерную улыбку. — Так что, Стасик, собирай вещи и освобождай помещение.

— Ты охренела? — его голос срывается на фальцет. — Это моя квартира! Мы вместе ее покупали!

— Вот именно. Вместе, — я кидаю в чемодан его свитер. — Поэтому ты сейчас или уходишь отсюда, оставив ключи, или идешь в зал и ложишься там. Или на кухне. Или в ванной. Мне все равно. Но в этой спальне ты больше не спишь.

— Да пошла ты! — он пытается выхватить у меня чемодан, но я успеваю захлопнуть крышку.

Мы стоим друг напротив друга, тяжело дыша. Он злой, красный, униженный. Я, как ледяная статуя, не знающая, что такое сочувствие.

— Ты забыл, — говорю я тихо. — Ты забыл про мой день рождения. Ты спал с той женщиной в нашей больнице. На своем столе. Ты застрял в ней, как собака, на глазах у всего отделения. А теперь ты пришел просить прощения? Говорить, что ошибся. Пытаться вернуть все так, как было? Ты в своем уме вообще? — он открывает рот, но я не даю сказать. — Не позорься, Стас. Собери вещи и уйди. Чтобы утром я тебя не видела.

Он стоит. Смотрит на меня. Ждет, когда я прогнусь. Когда сжалюсь. Когда во мне проснется сочувствие. Но его нет. И уже никогда не будет к этому человеку.

— Уходи, Стас. Прямо сейчас.

Он хватает свой чемодан. С силой дергает за ручку, словно это она виновата в том, что произошло, и оставляет спальню. Я закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной и чувствую, как подкашиваются ноги.

Они трясутся, колени дрожат. Я сползаю вниз, сажусь прямо на пол у двери. Сердце колотится где-то в горле. В висках стучит. В груди пустота и боль одновременно.

Я закрываю глаза. Вдыхаю. Выдыхаю.

— Не смей, — приказываю себе. — Не смей плакать. Не смей жалеть. Ты все сделала правильно.

Глава 16

Вероника

Я сажусь на кровать. Просто сижу. Минуту. Пять. Десять. Смотрю в одну точку.

— Ника, будь человеком, — слышу из соседней комнаты, полный боли стон мужа. — Принеси обезболивающее. Меня отпускает. Уже нет сил терпеть. Врач ты или где?

Игнорирую его слова. Представляю, как ему больно, но он это заслужил. Пусть немного пострадает. Умереть точно не умрет, но на всю жизнь, возможно, запомнит. Если еще этого не сделал.

— Принеси хотя бы лед, Ника! Я встать не могу.

Поворачиваюсь на другой бок. Накрываю голову подушкой. Меня не должно это волновать.

Несколько минут, и я проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от солнца. Луч бьет прямо в лицо, наглый, яркий, весенний. Я щурюсь, тру глаза, и вдруг реальность обрушивается на меня, как тонна кирпичей.

Сегодня мой день рождения. Мне тридцать пять. Беру с тумбочки телефон. Зачем — не знаю. Просто кручу его в руках, смотрю на экран.

7:47. Мой день рождения официально наступил сорок семь минут назад.

Что теперь делать?

Я прислушиваюсь. В квартире тихо. Слишком тихо. Встаю, открываю дверь, выхожу в коридор. Заглядываю в гостиную. Диван пуст. Чемодан, который я собирала, стоит в дальнем углу. Но Стаса нет.

Он ушел. Не попрощался. Не поздравил.

Интересно, где он? Поехал к своей любовнице? В спа-отель, который заказывал для нее? А может, он в клинике восстанавливает свое ущемленное достоинство?

Иду на кухню, наливаю кофе. Стою у окна, смотрю во двор, на детей, бегающих по площадке, на мамочек с колясками. Обычная жизнь. Обычное утро. А у меня внутри настоящая выжженная пустыня.

Телефон, который я все это время сжимала в руке оживает. Подруга.

— Вероника! — голос Ленки бодрый, радостный. — С днем рождения! С тебя торт, ресторан и море! Во сколько встречаемся?

Я молчу секунду. А потом говорю быстрее, чем успеваю подумать.

— Лен, а давай прямо сейчас? Встретимся где-нибудь. Только без ресторанов, без шума. Просто посидим, кофе попьем.

— Что случилось? — она сразу сбавляет тон. Мы знаем друг друга сто лет, её не обманешь. — Вероник, ты плачешь?

— Нет, — я удивляюсь сама себе. — Не плачу. Но у меня правда кое-что случилось. Я расскажу тебе все при встрече.

— Через час в нашем кафе на набережной, — отрезает Ленка. — Жду.

Я собираюсь быстро. Джинсы, свитер, минимум косметики. Смотрю в зеркало. Лицо бледное, под глазами тени, но в глазах что-то новое. Жесткое. Решительное.

Выхожу. Двадцать минут в дороге, и я на месте.

Ленка уже сидит за столиком у окна. Перед ней две чашки кофе и коробка с тортом. Увидев меня, она вскакивает, обнимает, прижимает к себе.

— С днем рождения, родная, — шепчет она. — Что у тебя случилось? Осознала, что стала на еще один год шикарнее?

Я сажусь напротив. Смотрю на неё и вдруг понимаю, что не знаю, с чего начать. С того, как я зашла в ординаторскую? С запаха ванили? С того, как швырнула кофе? С того, как Стас скулил ночью, пытаюсь давить на жалость?

— Лен, — говорю я. — Ты не согласишься.

И рассказываю.

Всё. По порядку. Про запах, про усмешку, про заявление на отгул, про сюрприз с кофе, про то, что я увидела за дверью. Про спазм. Про консилиум. Про то, как Стаса везли по коридору в крайне непрезентабельной позе, в простыне, с чужой женой на прицепе. Про его ночные крики.

Ленка слушает, открыв рот. Глаза становятся всё больше и больше. Когда я дохожу до момента со льдом на промежность, она давится кофе.

— Ты... ты серьезно? — хрипит она, вытирая рот салфеткой. — Он настолько серьезно застрял? Прямо вот вообще ни туда ни сюда? На глазах у всей больницы?

— Насчет туда не уверена, но обратно он точно не мог вынуть, — киваю я. — И представь, потом был консилиум. Уролог, гинеколог, заведующий отделением. Они все вместе решали, как его вытаскивать.

— Господи, — Ленка закрывает лицо руками. — Я сейчас умру. Я не могу. Это же анекдот! Это сюжет для комедии!

— Только мне почему-то не смешно.

Ленка отнимает руки от лица. Смотрит на меня внимательно.

— А знаешь что? Давай загадаем желание, — спокойно говорит она.

— Какое?

Она пододвигает ко мне торт. Втыкает свечку. Зажигает.

— Загадай, чтобы козлов в твоей жизни было поменьше, — говорит она серьезно. — А оставшиеся чтоб сразу отсеивались. Как твой муженек.

Я смотрю на свечку. Огонек дрожит, отражается в глазах. И вдруг чувствую, как что-то отпускает внутри. Ком, который стоял в горле со вчерашнего дня, рассасывается.

— Поменьше козлов, — повторяю я. — И побольше льда на промежность всем, кто ими уже стал.

Ленка фыркает. Я тоже. Мы сидим и смеемся. Нервно, громко, на всю кофейню.

— Знаешь, да пусть он катится куда подальше. Так ему и надо. Кстати, а та баба? Что с ней?

Я открываю рот, чтобы ответить, и вдруг за спиной Ленки вижу знакомую фигуру.

Высокий мужчина в дорогом костюме. Усталое красивое лицо. Седые виски. Он стоит у стойки, заказывает кофе и вдруг поворачивает голову.

Наши глаза встречаются.

— А вот об этом мы сейчас и узнаем, — отвечаю я.

Глава 17

Вероника

Валерий стоит в нескольких метрах от нас. Я смотрю на него. Он замирает, узнавая меня. Потом медленно идет к нашему столику.

— Вероника? — голос хриплый, удивленный. — Вы?

Ленка переводит взгляд с меня на него и обратно. В её глазах загорается неподдельный интерес.

— А это кто? — шепчет она.

— Это..., — я не знаю, как объяснить так, чтобы не задеть ничьи чувства. — Это...

— Да говорите уж как есть. Тут нечего скрывать. Об этом знает каждый второй, и если узнает кто-то еще, то ничего не изменится.

Я слегка улыбаюсь. Он прав.

— Это муж той женщины, Лен.

— Какой женщины?

— Той самой, — говорю я. — Светы. С которой мой муж застрел.

Ленка округляет глаза. Валерий тем временем кивает, смотрит на меня сверху вниз.

— Можно? — он указывает на свободный стул.

— Садитесь, — я киваю. — Судьба, видимо решила, что нам мало одной встречи.

Он садится. Заказывает еще кофе. Некоторое время мы сидим молча, и в этом молчании, странное понимание.

— Это точно. Как вы? — спрашивает он наконец.

— Нормально, — пожимаю плечами. — Сегодня у меня день рождения как вы видите. Вот отмечаем с подругой.

— С днем рождения, — он смотрит серьезно. — Сочувствую такому подарку.

— Да не стоит. Лучше так, чем не узнать никогда. А вы как? — я смотрю на его лицо.

Под глазами тени, вид уставший, но в глазах спокойствие.

— Развожусь, — говорит он просто. — Вчера приехал домой. Собрал ее вещи и отправил к маме. Сказал, чтобы не возвращалась.

— Быстро, — удивляюсь я. — А она?

— А что она? — в его голосе злость, но не ненавидящая, а усталая. — Я её полностью содержал десять лет. Она не работала, сидела дома. Имела всё, что хотела. И вот результат. Я не стал устраивать скандал, а просто отправил ее. Знаю, что она еще ни раз попробует вернуться, но я не готов принять ее обратно.

— И она ушла? Так просто? — Ленка подается вперед.

— Ушла, — кивает Валерий. — Куда ей деваться? Я адвоката уже нанял. И она получит ровно столько, сколько положено по закону, и ни копейкой больше.

— Жестко, — говорю я.

— А как с ними иначе? — он смотрит на меня в упор. — Вы же не собираетесь прощать? Небось думаете: Он оступился, он любит, надо дать шанс?

— Нет, — качаю я головой. — Я тоже подам на развод. Завтра утром позвоню адвокату. Не хочу портить свой праздник подобными вещами.

Валерий кивает. Смотрит на меня с уважением.

— Редкая женщина, — говорит он. — Обычно сначала слезы льют, потом прощают, потом снова слезы.

— А вы, значит, уже..., — Ленка не может успокоиться. — Решили, что только развод? Прямо так быстро?

— А чего тянуть? — пожимает плечами он. — У меня жизнь продолжается. Мне жена нужна, а не женщина, которая по чужим кабинетам скачет. Я высказал ей всё вчера, когда она вернулась. Собрал вещи, вызвал такси и отправил. Она рыдала, просила прощения, клялась, что это ошибка. Но какие тут могут быть ошибки?

Я смотрю на него и чувствую странную гордость. За него. За себя. За то, что мы не сломались.

— Вы замужем? — вдруг спрашивает Валерий у Ленки.

— Была, — Ленка усмехается. — Развелась три года назад. С тех пор одна. И знаете, не жалею. Лучше быть одной, чем с козлом.

— Мудро, — кивает он. Потом снова смотрит на меня. — Знаете, Вероника, мне кажется, мы с вами сегодня сделали правильный выбор. Тяжелый, но правильный.

— Знаю, — отвечаю я. — Спасибо за поддержку. Хотя мы и чужие люди.

— Теперь не чужие, — он протягивает руку. — Буду рад дальнейшему общению.

Я пожимаю. Ладонь у него теплая, сухая, крепкая.

— Взаимно, но сомневаюсь, что сейчас у меня будет на это время.

— И то верно, но если вдруг понадобится помощь..., — он искренне улыбается впервые за всё время. — Может, выпьем за ваш день рождения? И за наш общий... как бы это назвать... день освобождения?

Ленка смотрит на нас, и в её глазах мелькает довольная кошачья улыбка.

— А давайте, — говорит она. — Торт есть, кофе есть. И повод у нас отличный.

Мы чокаемся чашками. Кофе горький, но почему-то кажется сладким.

Глава 18

Вероника

Просыпаюсь от солнечного луча, который бьёт прямо в глаза. Щурюсь, отворачиваюсь к стене, и первые несколько секунд в голове блаженная пустота. Я просто лежу, чувствуя тепло одеяла, слыша птиц за окном и ничего не помню.

А потом накатывает.

Запах ванили. Дверь ординаторской. Голый Стас, согнувшийся над столом. Её размазанная помада. Кофе, летящий в голую спину. Крики. Визг. Лёд на промежность.

Меня передёргивает так, что я подсакиваю на кровати. Отвращение прокатывается по телу волной от макушки до пят. Я тру лицо руками, пытаюсь стереть эти картинки, но они въелись под веки. А потом мой день рождения в компании подруги и Валерия. Взгляды между им и Ленкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.